

Памела Треверс

Мери Поппинс с Вишнёвой улицы

Глава 6
Черный вторник

Спустя немного времени Майкл проснулся в каком-то странном настроении. Он сразу понял, только открыл глаза, – что-то не так. Но что – он не мог понять.

– Какой сегодня день, Мэри Поппинс? – спросил Майкл, сбрасывая с себя одеяло.

– Вторник, – ответила Мэри Поппинс. – Иди прими ванну. Скорее! – сказала она, видя, что Майкл и не думает вставать. Он повернулся на бок, натянул одеяло на голову, и странное чувство усилилось.

– Что я тебе сказала? – произнесла Мэри Поппинс ясным, холодным голосом, означавшим ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

И тут Майкл понял: сегодня он будет плохо себя вести.

– Не пойду, – медленно выговорил он приглушенным голосом.

Мэри Поппинс сдернула с его головы одеяло и посмотрела на него.

– Не встану, – сказал Майкл. Интересно, что Мэри Поппинс с ним сделает?

К его удивлению Мэри Поппинс пошла в ванную и сама открыла кран.

Пришлось взять полотенце и идти. В дверях он чуть с ней не столкнулся.

Первый раз в жизни Майкл мылся утром один. Это означало, что он попал в немилость. Раз так, решил он, за ушами мыть не буду.

– Выпустить воду? – самым грубым голосом спросил он.

Никакого ответа.

– Ну и не отвечайте. Не заплачу, – сказал Майкл, и у него в душе зашевелилось мохнатое чувство. Он пошел одеваться, взял из шкафа самый лучший костюмчик, который носил по воскресеньям. Надел его и пошел вниз, ударя ботинком по балясинам, что строго запрещалось: ведь стуком можно перебудить весь дом. Навстречу ему поднималась горничная Эллен. Майкл изловчился и выбил у нее из рук кувшин с горячей водой.

– Какой вы неловкий, молодой человек, – сказала Эллен и нагнулась, чтобы вытереть пол. – Я несла воду для бритья твоему отцу.

– А я нарочно, – спокойно проговорил Майкл.

Красное лицо Эллен побледнело от негодования.

– Нарочно? Ты нарочно меня толкнул? Какой ты плохой, гадкий мальчишка! Я скажу твоей маме...

– Говорите, пожалуйста, – ответил Майкл и побежал вниз.

Но это было только начало. Весь день все шло кувырком. Мохнатое чувство, поселившееся у него в груди, вытворяло самые ужасные вещи. Но хуже всего то, что после очередного озорства он чувствовал себя героем и замышлял новое.

Миссис Брилл на кухне стряпала булочки.

– Нет, Майкл, – сказала она ему, – я пока не могу дать тебе миску.

Видишь, в ней еще есть тесто.

Тогда Майкл больно ударил миссис Брилл по ноге, она громко вскрикнула и выронила скалку.

– Ты ударил ногой миссис Брилл? Нашу добрую миссис Брилл? Мне стыдно за тебя, Майкл, – сказала мама, услышав из уст миссис Брилл о происшедшем. – Сейчас же попроси у нее прощения. Скажи, что ты никогда больше так не будешь. Что ты раскаиваешься.

– А я не раскаиваюсь. И даже очень рад. У нее такие толстые ноги! – сказал Майкл и пулей вылетел в сад. Там он нарочно повалился на Робертсона Эй, который сладко спал, растянувшись на самом лучшем альпийском газоне. Робертсон Эй очень рассердился.

– Я скажу твоему отцу, – пригрозил он.

– А я ему скажу, что вы сегодня утром не почистили туфли, – ответил он и даже сам на себя удивился. Они с Джейн всегда защищали Робертсона Эя. Они его любили и не хотели, чтобы отец его рассчитал.

Но угрызения не долго его мучили. В голове его тут же созрела новая каверза.

Сквозь прутья забора Майкл увидел песика мисс Ларк Эндрю. Он ходил по газону и вынюхивал целебные травинки. Майкл тихонько позвал Эндрю, вынул из кармана печенье и протянул ему.

Пока пес с удовольствием жевал, он взял и привязал его хвост к забору обрывком веревки. А сам убежал, преследуемый гневными воплями мисс Ларк. Мохнатое чувство у него в душе все росло и росло – Майклу показалось даже, что он вот-вот лопнет.

Дверь в кабинет отца была распахнута настежь – Эллен только что кончила вытирать с книжных полок пыль. Майкл вошел туда, сел на стол отца и стал писать на бюваре – неслыханная дерзость! Конечно, он задел локтем чернильницу, она опрокинулась, и синие чернила залили стол, стул, гусиное перо и его выходной костюмчик. Размеры бедствия были ужасны, и Майкл испугался. Но внутренний голос проговорил: "А мне ни капли не стыдно".

– Ребенок, должно быть, болен, – вздохнула миссис Банкс, когда Эллен рассказала ей о его последней проказе – она случайно заглянула в кабинет и все видела.

– Придется дать тебе инжирного сиропа, – сказала Эллен.

– Никакой я не больной. Во всяком случае, здоровей, чем вы, – грубил Майкл..

– Тогда ты просто гадкий мальчишка, – сказала мама, – и будешь наказан.

Мама сдержала слово, и через пять минут Майкл стоял в углу детской лицом к стене в залитом чернилами костюмчике.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Джейн хотела утешить его, улучив минутку, когда Мэри Поппинс отвернулась, но Майкл только показал ей язык. И грубо оттолкнул Джона с Барбарой – они подползли к нему и стали играть с его ботинком. Ему очень нравилось быть гадким мальчишкой и совсем не было стыдно. ...После обеда Мэри Поппинс повела детей на прогулку. Она катила коляску, рядом шла Джейн, а сзади плелся Майкл и бурчал: "Никогда не буду хорошим".

– Не плетись и не обивай ботинками забор, – обернулась к нему Мэри Поппинс.

Но Майкл продолжал обивать, пусть ботинки порвутся.

Вдруг Мэри Поппинс опять повернулась и, держа одну руку на коляске, сказала:

– Ты сегодня встал не с той стороны кровати.

– Ничего подобного. У моей кровати нет той стороны.

– У каждой кровати две стороны, давно пора бы знать, – сказала Мэри Поппинс.

– А у моей одна. Она ведь стоит у стены.

– Это не имеет значения, – презрительно фыркнула Мэри Поппинс. –

Пусть стоит у стены, но стороны все равно две.

– Ну хорошо. А какая не та сторона – левая или правая? Потому что я встал с правой. И значит, я прав.

– Сегодня утром, мистер Знайка, все стороны у твоей кровати не те.

– Но у моей кровати только одна сторона, и раз я встал с правой стороны...

– Еще услышу одно слово... – сказала Мэри Поппинс таким особенно грозным голосом, что даже Майклу стало не по себе. – Еще одно слово, и я...

Мэри Поппинс не сообщила, что собирается сделать с Майклом, но он прибавил, однако, шагу.

– Майкл, веди себя хорошо, – шепнула брату Джейн.

– Заткнись, – ответил Майкл так тихо, что Мэри Поппинс не услышала.

– Вот что, дружок, – продолжала Мэри Поппинс, – иди-ка впереди меня.

Хватит плестись в хвосте. Сделай такое одолжение, иди перед коляской. –

И она подтолкнула Майкла вперед. – Что это там блестит? – вдруг прибавила Мэри Поппинс. – Вон там. Что-то вроде брошки. Я буду очень благодарна, если ты ее поднимешь и дашь мне. Что, если кто-то потерял здесь золотую брошь?

Вопреки своей воле Майкл – он посмотрел, куда она махнула, – все-таки не осмеливался послушаться Мэри Поппинс. Действительно, впереди что-то блестело, да так ярко и переливчато, что очень хотелось скорее поднять это. Майкл пошел вперед, нарочно запинаясь, – пусть никто не думает, что эта штука ему очень нужна.

Наконец он дошел до нее, нагнулся и поднял. Эта была круглая коробочка со стеклянным верхом, на нем была нарисована стрелка, внутри подрагивал диск с буквами, который плавно двигался, стоило коробочку слегка тряхнуть.

Джейн подбежала к нему и заглянула через плечо.

– Что это, Майкл? – спросила она.

– Не скажу, – ответил Майкл, хотя и сам не знал, что это такое.

– Мэри Поппинс, – сказала Джейн, как только коляска с близнецами поравнялась с ней, – что это такое?

Мэри Поппинс, ничего не ответив, взяла коробку из рук Майкла.

– Это мое, – пожадничал вдруг Майкл.

– Нет, мое, – возразила Мэри Поппинс. – Я первая увидела.

– А я поднял. – И он дернул коробку из рук Мэри Поппинс, но она так на него взглянула, что рука его сама собой опустилась.

Мэри Поппинс так и этак вертела коробку, и диск с буквами, блестя на солнце, вертелся, как сумасшедший.

– Для чего эта коробка? – спросила Джейн.

– Чтобы путешествовать вокруг света, – ответила Мэри Поппинс.

– Чепуха! – сказал Майкл. – Вокруг света путешествуют в аэроплане, на корабле. Я точно знаю. Никакая коробка тут ни при чем.

– Ни при чем, говоришь? – переспросила Мэри Поппинс с каким-то странным выражением лица. – Ну так сейчас увидишь.

Держа компас на ладони, – а это был компас, – она повернулась к воротам парка и сказала одно слово: "Север".

Буквы закружились вокруг стрелки, заплесали. Стало вдруг очень холодно, задул ледяной ветер, и Джейн с Майклом зажмурились. Когда они открыли глаза, парк исчез, не стало ни деревьев, ни зеленых скамеек, ни асфальтовых дорожек. Вокруг них громоздились торосы голубого льда, а под ногами лежал толстый слой снега, спрессованный морозами.

– Ой, ой! – закричала Джейн, дрожа от холода, и бросилась к коляске, чтоб потеплее укрыть одеялом близнецов. – Что это такое случилось?

Мэри Поппинс значительно поглядела на Майкла. Но не успела ничего сказать: из отверстия в снежной горе вылез эскимос в длинной белой дохе и белой меховой шапке, обрамлявшей его темное круглое лицо.

– Милости просим на Северный полюс, Мэри Поппинс с друзьями, – сказал эскимос, улыбнувшись широкой, доброй улыбкой. Затем подошел к каждому гостю и потерся носом о его нос – такое уж у эскимосов приветствие. Следом наружу вышла эскимоска, держа в руках младенца, завернутого в тюленья одеяло.

– Мэри! Какая радость! – воскликнула она и так же поздоровалась со всеми. – Но вы ведь замерзнете, – забеспокоилась она, глядя на их легкую одежду. – Я сейчас принесу вам шубы. Не хотите ли, дорогие гости, супу из китового жира?

– Боюсь, что мы не можем долго задерживаться, – ответила Мэри Поппинс. – Мы путешествуем вокруг света и заглянули к вам на минутку. Но все равно спасибо. Может быть, в другой раз.

С этими словами она легким движением руки повернула компас и произнесла: "Юг!"

Майклу и Джейн показалось, что весь мир, подобно компасу, вращается

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

вокруг них. Это очень походило на карусель, когда ее хозяин, чтобы доставить особое удовольствие, сажал их в самую середину, где работал мотор.

Мир вокруг них вращался, становилось теплее, наконец движение окончилось и они очутились вблизи небольшой пальмовой рощи. Вовсю сияло солнце, до горизонта тянулись пески, золотистые, серебряно-белые, горячие, как огонь. Под пальмами сидели мужчина и женщина, оба черные и почти нагие, зато сплошь увешанные бусами, а на головах – уборы из страусовых перьев. Бусы многими рядами свисали с шеи, оттягивали уши и даже нос. Даже пояс был сплетен из тысячи бусин. На одном колене негритянки сидел крошечный черный, весь голый карапуз и улыбался невесть откуда появившимся детям.

– Мы так давно ожидаем тебя, Мэри Поппинс, – засмеялась негритянка. – Ты привела с собой детей угоститься сладкими арбузами? Они совсем малышки. Не мешало бы немножечко почистить их ваксой. Милости просим, мы всегда очень рады тебя видеть.

И негритянка, позвав их за собой, пошла к маленькой хижине, сплетенной из пальмовых листьев. Джейн с Майклом пошли было за ней, но Мэри Поппинс удержала их.

– У нас, к сожалению, совсем нет времени. Мы заскочили на секунду, только повидаться. Путешествуем вокруг света... – объяснила она двум африканцам, которые с изумлением слушали, воздев руки к небу.

– Вот это путешествие, мадам! – сказал мужчина, улыбаясь и потерев щеку огромной дубинкой; черные его глаза при этом весело блеснули.

– Вокруг света! Долгий, долгий путь, не переутомились бы! – и женщина опять засмеялась, точно вся ее жизнь была сплошной праздник.

Тем временем Мэри Поппинс опять повернула компас и решительным голосом произнесла: "Восток!"

Мир снова закружился, и скоро – детям показалось, что через несколько секунд, – пальмовая роща исчезла, и они очутились на узкой улочке с крошечными странного вида домами. Оказалось, что они сделаны из бумаги, их загнутые крыши были увешаны колокольчиками, которые тоненько звенели от каждого дуновения ветерка. Над домами протянули ветви миндальные и сливовые деревья, усеянные яркими цветами, а по улочке не спеша прогуливались люди, одетые в странные желто-зелено-синие одежды. Картина была удивительно мирная и приятная.

– Мы, наверное, попали в Китай, – прошептала Джейн Майклу. – Да, я уверена, мы в Китае, – продолжала она, разглядывая старика, вышедшего из маленького бумажного домика. Он был одет в роскошный халат из золотой парчи и шелковые шаровары, на лодыжках перехваченные золотыми обручами. Туфли у него были с длинными загнутыми носками, самого изысканного фасона. Седая косица сзади доставала до колен, а с верхней губы свисали длинные тонкие усы.

Старый господин, увидев Мэри Поппинс с детьми, низко поклонился, коснувшись лбом земли. К удивлению Джейн и Майкла, Мэри Поппинс ответила таким же поклоном, так что маргаритки на ее шляпе подмели землю.

– Кто вас воспитывал? – прошипела Мэри Поппинс, глядя на детей из этого необычного положения. Она произнесла эти слова так грозно, что Джейн с Майклом сочли за лучшее поклониться, и даже близнецы с почтением наклонили головки в своей коляске.

Старик церемонно выпрямился и проговорил:

– Глубокопочитаемая Мэри из дома Поппинсов! Соблаговоли озарить мое недостойное жилище светом твоего благочестия. И, низайше умоляю тебя, проводи к моему сирому очагу этих почтенных странников. – Он еще раз поклонился и взмахом руки пригласил всех в дом.

Джейн с Майклом никогда не слыхали такой красивой, витиеватой речи и, опешив, смотрели на старика. Но они еще больше поразились, услышав достойный ответ Мэри Поппинс.

– Достопочтенный сэр, – начала она, – с величайшим сожалением вынуждены мы, ничтожнейшие из твоих друзей, отказаться от твоего великодушного, щедростью превосходящего королевское, предложения. Ягненок с меньшей охотой покидает свою мать-овцу, птенец – свое гнездо, чем мы расстаемся с твоим ослепляющим присутствием. Благородный и трижды великолепный сэр, мы совершаем вояж вокруг земли, и наш визит в твой прекрасный город носит, увы, кратковременный характер. Позволь поэтому без дальнейших церемоний освободить тебя от нашего недостойного присутствия.

Мандарин, а это, конечно, был он, наклонил голову, готовясь отвесить еще один замысловатый поклон, но Мэри Поппинс поспешно повернула компас и громко произнесла: "Запад!"

И опять закружился мир, так что в глазах у Джейн с Майклом все замелькало, но вот он остановился, и они оказались в большом сосновом бору. Мэри Поппинс быстро вела их к широкой поляне, где вокруг большого костра стояло несколько шатров. Огонь вырывал из темноты странные фигуры, одетые в свободные туники, штаны из оленьей кожи с бахромой и головные уборы из перьев. Одна из них отделилась от стоящих у костра. Это был очень высокий и очень старый, но зато украшенный самыми красивыми перьями мужчина. Увидев Мэри Поппинс, он поспешил ей навстречу.

– Мэри Утренняя Звезда, – сказал он. – Приветствую тебя в нашем лесу.

– Он поклонился и коснулся лба Мэри своим. Затем повернулся к детям и проделал со всеми четыремя ту же церемонию.

– Мой вигвам ждет вас, – сказал он с торжественным дружелюбием. – Мы жарим оленя. Милости просим разделить с нами наш ужин.

– Великий Вождь Полуденное Солнце, – ответила Мэри Поппинс, – мы заглянули совсем ненадолго. В сущности, только проститься. Мы совершили кругосветное путешествие. И это наша последняя остановка.

– Да что ты говоришь, Утренняя Звезда! – воскликнул Великий Вождь. –

Я часто сам мечтал о таком путешествии! Но все равно, вы должны побыть с нами немного. Пусть этот молодой воин (он кивнул на Майкла) потягается в беге с моим пра-пра-правнуком, имя которого – Летящий Как Ветер. – И Полуденное Солнце хлопнул в ладоши. – Хай! Хо! Хи-и! – громко закричал он.

В ту же секунду из одного вигвама выскочил небольшой мальчишка, под-

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

бежал к Майклу и легко хлопнул его по плечу.

– Догоняй! – крикнул он и помчался со всех ног в лес.

Майкл, конечно же, бросился вдогонку, Джейн кинулась следом. Все трое носились между соснами, кружили вокруг толстенных деревьев. Вел бегунов Летящий Как Ветер, сколько было шуму, сколько веселья!

Догнать пра–пра–пра–правнука было невозможно. Джейн первая сдалась, но Майкл, стиснув зубы, продолжал бег. Нет, он не мог допустить, чтобы краснокожий мальчишка оказался проворнее его.

– Я все равно догоню тебя, – кричал он.

– В чем дело? Что происходит? – вдруг резко спросила Мэри Поппинс.

Майкл глянул на нее и остановился как вкопанный, потом опять было сорвался с места, но, к своему удивлению, не увидел ни Летящего Как Ветер, ни Великого Вождя, ни костра, ни вигвамов. Не было даже ни одной сосны. Одни только скамейки, Джейн, близнецы в коляске и Мэри Поппинс, стоявшая на центральной дорожке парка.

– Бегать столько раз вокруг садовой скамейки! Да ты просто сошел с ума! Столько глупостей в один день. Могло бы уж и надоесть. Идем скорее!

Майкл, обидевшись, надул губы.

– Вокруг света и обратно – и всего за минуту! Что за чудесная корочка! – восторженно проговорила Джейн.

– Отдайте мне мой компас! – потребовал Майкл.

– С вашего позволения, это мой компас, – сказала Мэри Поппинс и опустила его в карман.

Майкл посмотрел на нее, как будто хотел убить. Но только пожал плечами, пошел впереди всех и не проронил больше ни слова.

– Когда-нибудь я обгоню этого мальчишку, – процедил он сквозь зубы, входя в калитку дома N 17 по Вишневой улице.

Но мохнатое чувство у него в душе не угомонилось и после кругосветного путешествия с компасом. И к вечеру он стал просто невыносим. Подождав, когда Мэри отвернется, он ущипнул близнецов; те заплакали, а он притворно–ласковым голосом стал их утешать.

Но Мэри Поппинс не легко было обмануть.

– Ты что, ничего не чувствуешь? На тебя ведь кое–что надвигается, – сказала она многозначительно. Но он уже закусил удила, ему не было и ни стыдно, и ни страшно. Он пожал плечами, дернул Джейн за волосы, потом подошел к столу, где был накрыт ужин, и опрокинул свою миску с хлебом и молоком.

– Как не стыдно, Майкл, – покачала головой Мэри Поппинс. – Ты весь день безобразничал. Но это уже предел. Я не сталкивалась с подобным за всю свою длинную жизнь! Сейчас же убирайся отсюда. Немедленно в постель, и никаких разговоров!

Никогда еще Майкл не видел Мэри Поппинс в таком гневе.

Он пошел в детскую и стал раздеваться. Нет, ему не было стыдно. Да, он очень плохой. Ну и пусть: будет еще хуже. Нет, ему не стыдно. Он убежит от них и пристанет к бродячему цирку. Раз – дернул рубашку и пуговицы нет! Вот и хорошо. Утром меньше застегивать. Еще одна! Тем лучше. Нет, ему совсем, совсем не стыдно. Он не причешется и не почистит зубы перед сном. И молитву не прочитает.

Майкл уже почти лег в постель, сунул под одеяло ногу и вдруг увидел на комодке компас.

Он осторожно, на цыпочках прошел по комнате. Он знал, что сделает. Возьмет этот компас, покрутит его и отправится путешествовать вокруг света. И они никогда его не найдут. Никогда больше его не увидят. Они еще обо всем пожалеют. Майкл неслышно перенес стул к комоду. Залез на него и взял компас. Несколько раз повернул его.

– Север! Юг! Запад! Восток! – быстро прокричал он, боясь, что кто–нибудь войдет и помешает.

За стулом раздался громкий шум. Майкл виновато обернулся, думая, что это Мэри Поппинс. Но вместо нее увидел четыре гигантские фигуры, подставшие к нему, – эскимос с копьем, негритянка с огромной дубинкой мужа, мандарин с кривым кинжалом и краснокожий индеец с томагавком. Они надвигались на него со всех сторон, размахивая над головами оружием, и вид у них был не добрый и приветливый, как ему запомнилось, а злобный и мстительный. Вот вот они навалятся на него, прямо перед ним маячат страшные лица. Он чувствовал их горячее дыхание, видел, как дрожит оружие в их руках.

С громким криком Майкл выронил из рук компас.

– Мэри Поппинс! Мэри Поппинс! На помощь! – звал он, крепко зажмутив глаза.

Почувствовал, как что–то теплое и мягкое обвило его. Что это? Белая доха эскимоса, парчовая мантия мандарина? Туника индейца? Или перья негритянки? Кто схватил его? Ах, если бы только он весь день был хорошим! Но теперь уже поздно.

– Мэри Поппинс! Миленькая, хорошая!

– Ну, полно, полно. Я, благодарение Богу, не глухая. Не надо так кричать, – услышал он знакомый спокойный голос.

Майкл открыл один глаз. Никакого следа гигантских фигур из компаса.

Открыл другой – вдруг тот глаз ошибся. И правда – никого.

Он оглядел комнату. Пусто. Он лежит на своей собственной, мягкой, как пух, постельке, под своим теплым легким одеялом. И никакого мохнатого чудища в груди, оно исчезло, как будто его и не было.

Майкл лежал умиротворенный и счастливый, точно у него под подушкой были рождественские подарки для всех, всех.

– Что, что это было? – спросил он у Мэри Поппинс.

– Я ведь говорила тебе, что это мой компас. Пожалуйста, будь так добр, никогда не трогай мои вещи, – вот и все, что ответила ему Мэри Поппинс. Нагнулась, подняла с пола компас и опустила себе в карман. Потом стала собирать с пола одежду, брошенную Майклом, и складывать ее на стул.

– Можно, я сам сложу?

– Нет уж, благодарю покорно.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Мэри Поппинс ушла в другую комнату, скоро вернулась и дала ему в руки что-то теплое. Это была чашка с молоком.

Майкл стал пить очень медленно, маленькими глоточками, чтобы Мэри Поппинс подольше побыла с ним.

Она стояла рядом, не говоря ни слова, наблюдая, как медленно убывает молоко. Он чувствовал такой знакомый запах булочек от ее хрустящего фар-тука. Сколько он ни старался растянуть удовольствие, молоко когда-нибудь должно было кончиться; и скоро, огорченно вздохнув, он протянул Мэри Поппинс пустую чашку и юркнул под одеяло. Он никогда не думал, что постель такая теплая и уютная. Какое счастье, какая удача, что он жив и сейчас уснет в своей детской!

– Правда, смешно, Мэри Поппинс, – сказал он сквозь сон, – я был сегодня таким гадким, а сейчас мне так хорошо!

– Мда, – произнесла Мэри Поппинс, подоткнула ему одеяльце и пошла мыть посуду, оставшуюся после ужина.

[Далее...](#)